

Хомякова О.Р., доцент кафедры русской
и зарубежной литературы БГПУ имени М.
Танка

**«Бог...и все остальные черти»: аксиология конфликта
в постмодернистском тексте (на материале рассказов В. Пелевина)**

П.А. Сорокин писал о том, что *«именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры»* (1, с.429). Изменения в системе аксиологических координат вызывают появление новых типов культуры. Н.А. Бердяев заметил, что *«культура не есть осуществление новой жизни, нового бытия, она есть осуществление новых ценностей»* (2, с.164). Ценностным центром мира в средневековой культуре был Бог. Ценности культуры нового времени формируются под знаком идей гуманизма. Гуманизм, сострадание, милосердие к человеку как жертве бесчеловечного общественного строя стали основой и фундаментом классической русской литературы. Культура постмодернизма не просто не «осуществляет» новые ценности – она вообще отказывается от ценностного фундамента. Ценностное поле, в которое постмодернисты помещают человека, есть поле пустоты. Авторская позиция определяется *«эстетикой безразличия»* (Ихаб Хассан), реализующейся в стилистике иронического стеба. *«Стеб» разрушает оппозицию между серьезностью и иронией, между принятием и отторжением, тем самым отказываясь от каких бы то ни было бинарных оппозиций, всегда балансируя в множественных промежуточных зонах»* (3, с.489).

Аксиологический аспект, указывающий на основные ценности, во имя которых возникает конфликт, находит непосредственную материализацию в мотивировке конфликта, опосредованно проявляется в содержании и структуре образов и деталей. Совокупностью аксиологических факторов обусловлены особенности модели конфликта в той или иной художественной системе.

В классической литературе в художественном конфликте актуализировалась система ценностей, за которые герой был готов бороться, во имя которых жил или умирал (в жизни для возникновения конфликта достаточно просто дурного настроения одного из пассажиров автобуса). Вне потребности в святынях, казалось, нельзя было представить себе развитие общества: *«Человеческая природа, в самом гнусном своем уничтожении, все еще сохраняет благоговение перед понятиями, священными для человеческого рода»* (4, с.148).

В структуре постмодернистского мира, организованного по принципу равновеликости всех элементов, эклектического объединения разных начал, относительности истин и норм, отказа от какой бы то ни было иерархии, нет места Абсолюту. Поиски образца, совершенства, высшей цели, представляются постмодернистам априори обреченными на неудачу. Вслед за пушкинским Сальери постмодернистский персонаж мог бы сказать: *«Нет правды на земле, но правды нет и выше»*. Однако Сальери уверен, по крайней мере, в существовании неправды, что предполагает наличие хотя бы абстрактного идеала. И несправедливости Бога, и неправде человека он противопоставляет свою субъективную правоту. По отношению к художественному миру Пушкина можно говорить скорее о наличии многих правд, чем об отсутствии правды и торжестве неправды. В постмодернистском сознании понятия правды и неправды уравнены в силу отсутствия абсолютного критерия истины, а потому лишены смысла. *«Говорить о том, что хорошо и что плохо, можно, если, по меньшей мере, знаешь, кем и для чего сконструирован человек»* (5, с.125).

Лермонтовское *«И в небесах я вижу бога»*, пушкинское *«дум высокое стремленье»* воспринимаются постмодернистами скептически. Иерархическое устройство мира противоречит идеям свободы и равенства, понимаемым Пелевиным как отказ от выбора: *«Любой выбор накладывает ограничения. Просто потому что отвергает все остальное, хотя бы на время»* (*«Фокус – группа»* - с.451, 452). Герои Пелевина пародируют

Раскольников: *«Нужно все и сразу»*. В стремлении к всеохватности, игнорирующей различия верха и низа или, например, физиологии и морали, они мечтают *«о половом акте, который доставляет высочайшее моральное удовлетворение»* (с.452).

Добро и зло релятивистски осмысливаются как понятия субъективные: *«Разные люди считают злом разные вещи»* («Фокус-группа» - с.450). Потому вместо «неопределенных» добра и зла предлагаются приятные ощущения, которыми наполняют свою «потребительскую корзину» герои рассказа «Фокус-группа», выстраивая предполагаемый рай. В итоге *«венец материального прогресса»* и *«вершина долгого и мучительного восхождения из тьмы полуживотного существования к максимальному самовыражению человека»* («Фокус-группа» - с.456) сводятся к идеалу *«сделать потребление бескрайним, а удовлетворение от него бесконечным»* (с.455).

Примечательно, что декларации о равноценности Добра и Зла, Верха и Низа, уравнивании всех идеалов под рубрикой непонятого (*«Бог ... и все остальные черти – это как бы персонифицированное обобщение всего непонятого»* - с.172) на деле оборачиваются изображением сниженных вариантов человеческого существования. Традиционные высшие ценности осмысливаются как отвеченные истины, не подтверждающиеся *«опытом телесности»* (с.452.) Светящееся Существо, заменяющее в пелевинском мире Бога, объясняет: *«Понятия, которыми вы оперируете, не указывают ни на что, кроме самих себя, а сами по себе они ничего не значат. Спроси что-нибудь конкретное...»* (с.459-460). Декларируется отказ от иллюзий. На вопрос *«Что со мной будет потом?»* Светящееся Существо отвечает: *«Ничего»* («Фокус-группа» - с.470). *«Жизнь <... > – не более чем движение к смерти, не более чем процесс вынашивания трупа, развивающегося внутри, как плод в матке»* («Мардонги» - с.98). Отвращение к фальшивой риторике и лживым декламациям у постмодернистов абсолютизируется в остракизме всякого пафоса (от греч. Pathos – страдание, страсть, воодушевление) за исключением иронии. Ироническая игра Пелевина словами, концептами,

цитатами, блоками информации, остроумие неожиданных сцеплений исключает воодушевление или страсть, тяготеет к мертвящему бесстрастию. Ирония как неотъемлемый компонент постмодернистского текста несет в себе отрицание смысла и серьезности сказанного. Страх перед патетикой побуждает предпочесть жизни смерть, душе – информацию, Богу – Светящееся Существо, прогрессу – потребительскую корзину, любви – секс. Свои потребности герои могут перечислять до бесконечности (*«Я одну только еду могу полдня перечислять» - с. 448*), но в голову приходят только еда, секс и развлечения. *«Стоило умирать ради таких мелочей», - недоумевают Светящееся Существо (с.448)*. При этом в установку автора вовсе не входит дискредитация героев или их желаний. Пелевин иронизирует над самим понятием ценности, над тем пиететом, с которым относится к Идеалу традиционное сознание. Объектом авторской иронии оказываются стереотипы сознания, привычно ориентированные на оценочный подход к миру и человечеству.

С точки зрения рационалиста ценности базируются на Знании. Кризис парадигмы Просвещения, последствия которого оказали решающее воздействие на русское романтическое сознание, в конце XX – начале XXI веков возвращается и репродуцируется с удвоенной силой. Романтическая ирония вызывалась убежденностью романтиков в относительности постигаемой разумом истины, в сложности воплощения невыразимого средствами обычного языка. Романтики верили в мистические прозрения, полагались на интуицию, чем, с их точки зрения восполняется недостаточность рассудочного знания. Наши современники, пройдя стадию поклонения Знанию, которое не соединяется с любовью и верой, оказались в ситуации, когда объектом неверия, скепсиса, сомнения становится не только Бог, но и Знание, неполное и относительное. Ограниченный человеческий разум может претендовать только на постижение частичного знания. В какой-то степени верифицируемой признается та истина, которая постигается из повторяющихся ситуаций: *«Мы выхватываем из мрака*

неведения немногие доступные нашему рассудку соответствия, на которые потом и пытаемся опереться в своем понимании мира...» (с.256). А в целом человеку крайне трудно понять, то есть обозначить словом, назвать объекты его познавательного интереса: *«Безымянно все. И чем выше, тем безымяннее» («Бубен верхнего мира» - с.282)*. Более или менее можно ориентироваться в *«нижнем мире»*, но понимание *«верхних миров»* закрыто непроницаемой завесой, *«безымянно»*. *«Ты прав настолько, насколько человек может быть прав, рассуждая о сверхчеловеческом» (с.459)*, - объясняет Светящееся Существо Отличнику, попытавшемуся говорить о том, что выходит за пределы *«телесного опыта»*.

Как справедливо замечает современный интерпретатор учения Жюлья Делеза, *«образ поверхности, у которой нет ни высоты, ни глубины, становится идеологемой новой философии. Эта идеологема связывается с критикой всякой онтологии, построенной по иерархическому принципу (первопринципов, первоэлементов, абсолютов и т.п.)*. Она позволяет *уравнять все смыслы на поверхности» (6, с.217)*. Постмодернизм уходит от бесконечного (Бога) и конечного (человека) в пустое пространство, в котором отсутствуют вертикаль, крайние точки, горизонты... И расплываются круги смыслов, и поглощаются другими кругами, и опять устанавливается ровная гладь невозмутимой поверхности, хранящая тайну, которой, возможно, и нет (*«Ты знаешь тайну жизни, <...> но ты не знаешь ее смысла»*, - *«Девятый сон Веры Павловны»*, с. 63). От тютчевского сфинкса далекие потомки сохранили разве что искус – бесконечное искушение множественностью смыслов, дразнящих своей непостижимостью ... или стоящей за ними пустотой.

Можно ли бороться во имя пустоты? Мелькают перед глазами героев и читателей картины, значимость которых - общественная, государственная, этическая, личностная – в постмодернистском дискурсе представлена сомнительной. Постмодернистский персонаж не столько ищет, сколько отрицает смысл, что неизбежным следствием имеет безразличие к исходу

схватки. И герои, и читатели остаются равнодушными созерцателями сражения, то разгорающегося, то затухающего перед глазами зрителей, не знающих, кто, с кем, зачем и почему затеял это противоборство.

Не удивительно, что термин «конфликт» в работах о постмодернистской литературе оказывается невостребованным. Обходятся без конфликта герои, уклоняются от обсуждения проблемы конфликта (или бесконфликтности?) литературоведы. Конфликт – не самое важное в мире, в котором вообще нет важного. Мир мыслится в категориях отсутствия; изображается то, чего нет, не было и, возможно, не будет. И конфликт является таким же симулякром, как и все остальное. *«Яростная и беспощадная битва за существование в этом жестоком мире» («Происхождение видов» - с. 258)* воспроизводится как такой же недоказуемый миф, как происхождение человека от обезьяны. Впрочем, если признается реальность только телесного начала и ставится под сомнение духовное, то отличие человека от обезьяны становится неопределенным. Пелевинский Дарвин, как и подобает ему по естественнонаучной легенде, ищет в обезьяне человеческое начало. В рассказе «Происхождение видов» создание классического труда Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» представлено следствием «научного» эксперимента. Герой рассказа Дарвин спускается в трюм корабля, куда запускают обезьян, и в физическом единоборстве с ними доказывает, что в борьбе за существование выживает сильнейший. Следствием схватки являются трупы животных и целых две концепции происшедшего. Естественнонаучная теория *«непримиримую борьбу за жизнь»* трактует как *«просто взаимодействие двух атомов бытия, своеобразную химическую реакцию»*, необъяснимую в своей бессмысленности: *«На самом деле мы едины, мы клетки одного бессмертного существа, непрерывно пожирающего самого себя» (с.260)*. Поэтическая версия выглядит особенно ироничной на фоне натуралистически воспроизведенных кровавых деталей бессмысленного

убийства: *«Существовать – это ведь так прекрасно, не правда ли? Но только борьба способна сделать эту радость осязаемой. Беспощадная, жестокая борьба за право вдыхать этот воздух, смотреть на это море и этих чаек»* (с.268).

Из рассказа в рассказ иронически транслируется формула *«драматизм столкновения двух непримиримейших начал»* («Миттельшпиль», с.152). Непримиримые начала представляются то шахматными фигурками («Миттельшпиль»), то борьбой духов холода и огня («Нижняя тундра»), то драками взрослых, за которыми с недоумением наблюдает ребенок: *«По вечерам они часто собираются по несколько человек и кого-нибудь бьют»* («Онтология детства», с.118). Столкновения в рассказах Пелевина изображаются то в натуралистическом, комически-сниженном ореоле, то в мистическом с неизменными вкраплениями комического, но неизменно конфликт представлен как рационально не объяснимый, абсурдный с точки зрения здравого смысла. В натуралистических сценах ощущение абсурдности происходящего часто создается отсутствием мотивировки конфликта: кто-то с кем-то борется неизвестно почему («Онтология детства»). В мистических рассказах делается ироническая попытка объяснить не объяснимое с точки зрения здравого смысла (убитая девушка с пешкой во рту) идеей непрекращающегося сражения как исходной предпосылки существования и самовыявления личности (*«если б он этого не делал, его бы просто не было»* - «Нижняя тундра», с. 389). Формула Карла Маркса (*«Жизнь есть борьба»*) контаминируется с идеями восточных учений о непрестанной борьбе, воссоздающейся на разных уровнях бытия. На какой-то равнине воюют две армии, а на горе два мага играют в шахматы («Миттельшпиль», с.160). Вверху или внизу решается исход сражения, маги влияют на армии или наоборот, - все это безразлично для героев. *«Нет разницы»* (с.160), побеждает добро или зло, прогресс или реакция, взаимнообратимые и относительные. Ход белых чередуется с ходом черных, чем закончится шахматная партия, можно узнать *«из вечернего выпуска «Новостей»* (с.161).

Что же касается жизненных сражений, то и сам факт их и возможный исход то утверждается, то ставится под сомнение. Роль статистов, помимо своей воли принимающих участие в некоей неведомой им драме, побуждает героев рассказа «Миттельшпиль» к каким-то действиям, смысл которых остается для них скрытым. Объяснению поддаются только те случаи, когда срабатывает инстинкт самосохранения. Понятны действия Люси и Нелли, защищающих себя от насилия, загадочны манипуляции с тазом и шилом Валеры и Вадима. Единственное, что остается, - это свобода от «*Бога ... и всех остальных чертей*», свобода от себя и от себе подобных и неподобных, свобода от смысла и идеала, свобода от всего, свобода, которой «*некому воспользоваться*» (7, с.273), свобода, которую не нужно завоевывать и которую не нужно защищать. Является ли эта фантастически абсолютная свобода ценностью в мире, который в ценностях не нуждается? С другой стороны, как совместить декларации о свободе с сознанием необъяснимости того, что происходит с человеком независимо от его желаний и потребностей? Но вопросы эти находятся вне плоскости постмодернистского сознания, для которого логика, смысл и ценность бытия – всего лишь копии того, что не существует.

Литература

1. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. - М., 1992.
2. Бердяев, Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. - М., 2002.
3. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак; предисл. А. Беляева; пер. с англ. — М.: Новое литературное обозрение, 2014.
4. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений / А.С. Пушкин. - Т.7. - М., 1958.
5. Пелевин, В.О. Все рассказы / В.О. Пелевин. - М., 2005. Далее ссылки на это издание даются в тексте.
6. Кравец, А. Теория смысла Ж. Делеза: pro и contra /А. Кравец //Логос #

4 (49). - 2005.

7. Липовецкий, М.Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики / М.Н. Липовецкий. - Екатеринбург, 1997.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ